

Словари кяхтинского пиджина¹

Рецензируемый монументальный труд представляет собой издание трёх словарей той формы языка, которая получила в современной литературе название кяхтинского пиджина, однако, возможно, было бы точнее называть его кяхтинским китайским вариантом русского языка XIX в. Хотя Кяхта основана в 1727 г., материалы по языковым контактам русских и китайских купцов, относящиеся к этому времени, нам, к сожалению, неизвестны. Сам факт наличия особого варианта русского языка, который получил распространение среди китайских торговцев в Кяхте, отмечался ещё с первой трети XIX в., в частности Н.Я. Бичуриным², тем не менее документальная фиксация этого весьма интересного языкового образования не выходила за рамки разрозненных наблюдений. Что касается работы Е.В. Перехвальской³, то предмет обсуждения в ней имеет иную природу: словарное сходство её материалов с данными публикуемых словарей носит почти случайный характер, как неизбежно будут иметь общие черты материалы разных исследователей, полученные на близкой территории и в сходных социальных средах.

Настоящее издание создаёт принципиально новую базу для изучения русско-китайских языковых контактов. Оно включает три ранее не изданных объёмных словаря кяхтинского пиджина: первый хранится в Институте восточных рукописей РАН (инв. С-59), второй — в Научной библиотеке СПбГУ им. М. Горького (инв. Хул F-56), третий — в Научной библиотеке Иркутского областного краеведческого музея (№ 53856).

Обширное введение к публикации (с. 10) содержит следующие разделы: краткое описание истории торговли России и Китая через Кяхту и Маймайчен (с. 13), характеристику словарей кяхтинского пиджина (с. 25), перечисление предметов кяхтинского торгового обмена (с. 31), очерк «Некоторые особенности кяхтинского пиджина» (с. 39), список использованной литературы (с. 51).

Основной корпус издания составляют тексты трёх словарей «Элосы фань юй»: «Русский язык» (с. 61), «Китайский русский словарь» (с. 155) и «Русско-китайский словарь рукописный» (с. 220). В известной литературе упоминается лишь первый из них⁴.

В исследовательскую часть книги входят: алфавитный указатель русских слов и выражений (с. 245), в процессе составления которого была проведена огромная работа по идентификации и интерпретации лексических единиц, данных в издаваемых словарях в иероглифической транскрипции; алфавитные (пиньинь) указатели китайской лексики (с. 301); указатель русских значений слов, зафиксированных словарями в иероглифической

¹ Словари кяхтинского пиджина / пер. с китайского, публикация, транскрипция, исследование и приложение И.Ф. Поповой и Таката Токио. М.: Наука: Восточная литература, 2017. 603 с.

² Решетов А.М., Бурькин А.А. Н.Я. Бичурин о русско-китайских языковых контактах и русско-китайском «пиджине» // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 году. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 182–186.

³ Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.

⁴ Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. С. 67.

транскрипции (с. 357); краткий словарь местных форм забайкальского наречия (с. 417); указатель сокращённых обозначений языков (с. 427). В книге имеются две таблицы: табл. 1 — силлабарий тайюаньского диалекта, табл. 2 — тайюаньские диалектные силлабарные формы и их русские и иероглифические соответствия. Труд включает в себя факсимиле всех трёх анализируемых словарей (с. 435, 518, 559).

Особый интерес издателей вызвала проблема лингвистической характеристики представленного в словарях языкового материала, и они чрезвычайно бережно разобрались с ней, учитывая тот факт, что у наиболее ранних исследователей кяхтинского пиджина не было единого подхода к обозначению данного феномена: Ю. Клапрот называл его русским языком (с. 26), что по сути верно, ибо так этот язык рассматривали китайцы, Е.Ф. Тимковский характеризовал его как кяхтинское российско-китайское наречие, Н.Я. Бичурин — как «особливое русское наречие» или «исковерканное русское наречие» (с. 27), использовались и такие названия, как кяхтинский (маймайченский) язык (с. 27), «особое наречие, вовсе непонятное для русского», «кахтинский торговый язык», «торговый кяхтинский язык» (с. 28); в наше время описываемая рецептированная форма русского языка рассматривается как «русские пиджины» (с. 30—31), хотя в теории здесь остаётся множество открытых вопросов⁵ (см. с. 56).

Важно, что авторы издания обратили пристальное внимание на китайскую основу описываемого материала, рассмотрев специфику тайюаньского диалекта китайского языка (с. 41) и указав на лексические особенности шаньсийского диалекта (с. 46), на базе которых складывался кяхтинский русско-китайский пиджин.

Во вступительной статье отмечается повсеместное распространение в пиджиноподобных вариантах русского языка притяжательных форм *моя*, *твоя* вместо личных местоимений (с. 49). Вопреки тем, кто пишет о русских пиджинах и оценивает идею их моногенеза как фантастическую⁶, мы не можем признать существование единой формы русского языка, предназначенной для общения с носителями иных языков, по одной простой причине: за Уралом и в Сибири, всюду, где оказывались русские, очень быстро устанавливалось двуязычие, часто взаимное, а эта ситуация полностью исключает функционирование пиджинов.

Можно заметить, что ценность входящих в книгу словарей в отношении документируемого языка неодинакова (на данный факт обращают внимание и сами авторы, см. с. 51), однако обобщающий характер работы не позволяет говорить о каком-либо приоритете одного из изданных словарей перед другими.

Из лексики, представленной в первом словаре, хочется выделить названия цветов (с. 63—64), тканей (с. 65—68), сортов чая (с. 68—69) и меха (с. 74), животных (с. 83). Привлекают внимание топонимы:

⁵ Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социологического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67—74.

⁶ См., например: Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. С. 70, 75, 82.

Гэласыеуйярсукэ — «Красноярск» (с. 83), очень важно зафиксированное название *Гэсугор, Ксокор* — «Хайлар» (с. 160, 226), ещё раз заставляющее подумать о достоверности предполагаемого месторасположения загадочного Косогорского острога, основанного русскими на Амуре в XVII в.⁷ Подвергается сомнению данная гипотеза в связи с наличием формы *Косогор* — так было записано землепроходцами название о. Хубсугул в Монголии.

Ценным дополнением к публикуемым материалам является краткий словарь местных форм забайкальского наречия (с. 417—427). Этот небольшой список слов объединяет в себе признаки диалектного, или регионального, и исторического словаря, поскольку многие из включённых в него форм требовали обстоятельного историко-лексикологического исследования и комментирования. Большинство представленных слов плохо документированы как в диалектной, так и в региональной исторической лексикографии.

Материалы рассматриваемых словарей представляют значительный интерес для анализа восприятия русских слов китайцами. В издание включены не только отсутствующие или редкие для словарей русского языка лексические единицы, но и неожиданные оформления русских слов: *халадухэ* — «радуга» (с. 223), *елиси* — «рысь» (с. 240), *мернуй* — «медный» (с. 184). В результате работы авторам и их консультантам удалось идентифицировать почти все необычные для лексикографической практики языковые формы, однако нерешённые вопросы всё же остались: например, относительно слова *пягла* («проститутка»), которое, вероятно, может восходить к женскому имени Фёкла.

Издание необычных русско-китайских словарей, хранившихся в российских архивах, — это большое событие в отечественном и мировом Китаеведении, а также значительное достижение русской лексикографии, обогатившейся оригинальным и ценным источником региональной лексики и документации лексических заимствований. Безусловно, труд исследователей рукописных словарей и издателей книги станет исключительным вкладом в изучение контактных языков в России и азиатском мире. Он вызовет интерес и тех учёных, чьё внимание сконцентрировано на современных формах коммуникации китайцев и русских в Приморье⁸, даже если языковые факты нашего времени не соотносятся с фактами двухсотлетней давности.

А.А. Бурыкин, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН

⁷ Полевой Б.П. О подлинном местоположении Косогорского острога 50-х гг. XVII века // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток, 2003. Т. 4. С. 32—36.

⁸ Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 119—136; Блохинская А.В., Гордеева С.В., Касимова Е.В., Оглезнева Е.А., Цзян Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. 153 с.